

А.В. Глазков. Синтекст, синтекстуальность: к определению понятий.

Когда двоечник уличен в том, что списал сочинение у отличника, он часто уверяет, что писал сам, а полное совпадение двух текстов – случайность, мол, так тоже бывает. И никто не верит ему: ни учитель, ни мама, ни одноклассники, да и сам он едва ли готов увериться в вероятности своей фантазии, потому что написать два совершенно идентичных текста практически невозможно. Любой текст – сужение того, что называется образом действительности, ограничение его до определенных, заданных автором рамок. И этот процесс сужения в большой степени индивидуален, хотя какие-то влияние социальных стереотипов при этом будет неизбежно.

Мы выбрали из системы Twitter несколько текстов-сообщений. Существенно, что каждый из авторов ограничен объемом сообщаемого: не более 140 знаков. Все приведенные примеры текстов описывают одну и ту же ситуацию: «Грязь весной» (везде мы сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию).

- (1) А на улице весна, скоро какашки будут плавать везде... (@Ingazik)
- (2) Весна, солнышко греет, из под снега появились первые подсне...окурки. (@Irkinn)
- (3) Ну да, весна все таки, под ноги лучше смотреть , а не по сторонам (@LastTao)
- (4) За окном самая настоящая весна. Теперь по некоторым тропинкам весьма опасно ходить, они "заминированы"... (@DarkVenomx)
- (5) Облил из лужи грязью!!!Весна пришла:) (@NatashaZhbanova)

Обратим внимание на то, что ни один из авторов не оказался оригинален: никто не сообщил о весне такого, что было бы неизвестно каждому человеку, которой знает, чего ожидать от весны в средней полосе. С другой стороны, авторы были вольны сказать о весне то, что им хотелось. Они написали о грязи, причем каждый по-своему: кто-то выбрал собачьи экскременты, кто-то брошенные за зиму окурки, кто-то лужи в качестве объекта. Кроме того, индивидуален и выбор языковых средств: так в тексте (1) слово какашки прямо называет предмет, в то время как то же самое в тексте (4) названо сочетанием «тропинки ... заминированы». Автор текста (3), возможно, имеет в виду то же самое, но это могут быть и лужи. Тем самым, при заданности темы тексты различаются фокусировкой, направленностью (146)

взгляда автора на определенный объект изображения. И уже это приводит к тому, что тексты различаются между собой. Обратим внимание на то, что во всех текстах имеет место контраст между положительным (весна) и отрицательным (грязь). Однако далеко не все авторы сообщений на тему «Весна» в Twitter шли этим путем, многие оставались в рамках положительных оценок:

(6) А у нас солнце! Весна красна и все пучком! (@domakov)

(7) Сегодня погода просто супер!!! Весна!!! (@andriasis)

Автор не просто выбирает объект изображения и дает его оценку – он «вкладывает» себя в сообщение, то есть создает свой определенный образ в текст. Указанный контраст в текстах (1–5) выражает ироническое отношение к миру у каждого из них. Авторы текстов (6–7) – люди с хорошим настроением, а вот автор следующего текста явно удручен:

(8) бесит весна шото. говно под ногами надоело. (@Anne_Psiheya)

Наконец, отметим, что выбор языкового средства может быть вызван тем или иным отношением автора к читателю: читатель текста (8) должен принять прямоту автора, его грубость, которая, надо сказать, весьма распространена в сообщениях Twitter, в то время как автор текста (1) направляет свое сообщение к читателю, который в меньшей степени склонен одобрять использование грубо-просторечной лексики, для чего ему и предлагается разговорный эквивалент названия.

Итак, указанные множественность факторов, формирующих текстов, а именно, автор, читатель, выбор фактического и языкового материала, приводит к тому, что вероятность возникновения текстов-дублетов практически равна нулю.

Однако специфика нехудожественных текстов заключается в том, что они так или иначе соотносятся с фрагментами объективной действительности, а поэтому вполне вероятно, что один и тот же фрагмент действительности оказывается объектом, отраженным не в одном, а в нескольких текстах. Назовем это явление *синтекстуальностью*. Синтекстуальностью обладают, например, репортажи об одном и том же событии, прогнозы на одно и то же время, инструкции, касающиеся одного и того же действия и под.

Явление синтекстуальности связано прежде всего с прагматикой текста, а точнее, с текстовой референцией. Синтекстуальность может возникнуть на основании подобной или общей референции. Все тексты (1–8) имеют подобную референцию. По сути дела, они раскрывают те или иные стороны сценария «Весна», причем, как мы отметили (147)

уже ранее, ни в одном из текстов не сообщается о весне нечто такое, чего бы не знали читатели. Даже если сообщается о конкретном событии, как в тексте (5), читатель соотносит его не с конкретным человеком и конкретной лужей, а обобщает, что позволяет соотнести этот текст с другими на основании той идеи, что весной грязно.

Синтекстуальность на основании общей для двух и более текстов референции возникает в том случае, если текст апеллирует к какому-либо одному выделенному фрагменту образа действительности. Если высказывание отражает факт, то множество связанных между собой фактов образуют ситуацию, а множество связанных между собой ситуаций – событие. Тогда скажем, что тексты, описывающие одну ситуацию, будут синситуативными, а тексты, описывающие одно событие – синсобытийными.

Сравним два текста, описывающих более высокую башню Мариацкой базилики в Кракове. Текст (9) взят с официального сайта базилики [4], текст (10) – фрагмент путеводителя по Кракову Михала Рожека [3: 186–187].

(9) Wieża wyższa, zwana Strażnicą „Excubiarum”, ma 82 metry wysokości. Zbudowana jest na planie kwadratu, poszczególne kondygnacje oddzielają kamienne gzymsy. Na wysokości dziewiątej kondygnacji przechodzi w ośmiobok, przepruty ostrołukowymi wnękami, mieszczącymi dwie kondygnacje okien. Wieża nakrywa gotycki hełm, będący dziełem mistrza Macieja Heringka z 1478 roku. Hełm składa się z ośmiobocznej, zaostrej iglicy, otoczonej wieńcem ośmiu niższych wieżyczek. Z wieży, z wysokości 54 metrów, grany jest co godzinę Hejnał Mariacki.

(10) Wyższa liczy 81 m wysokości i zwieńczona jest późnogotyckim hełmem (1478) – dzieło cieśli Macieja Heringka. Na iglicy umieszczono w 1666 złoconą koronę, którą sprawił mieszczanin Piotr Antoni Pestalocci. Od czasów średniowiecza wieża zawsze utrzymywana była przez miasto, pełniąc funkcję strażnicy, zwana też hejnalicą. Czuwał tu dzień i noc strażnik, do którego obowiązków należało granie hejnału, będącego hasłem do otwierania (148)

i zamykania bram miejskich. Ponadto ostrzegał krakowian przed pożarem i wrogiem. Pierwsze informacje o hejnale pochodzą z 1392. Prawdopodobnie od XVI w. ustalono cogodzinne trąbienie hejnału na cztery świata strony. W 2 poł XVIII w. zaniechano grania hejnału w 1810 z zapisu Tomasza Krzyżanowskiego i jego żony Julianny z Lichockich przywrócono ten zwyczaj. Od tej pory melodia hejnału stała się niemal muzycznym symbolem Krakowa.

Оба текста имеют своей целью сообщить туристу очень общую информацию о Мариацкой базилике. Мы подчеркнули в обоих текстах то, что является для них общим: это информация о высоте башни, (хотя, как видим, данные расходятся на 1 метр), информация о куполе башни и его создателе, а также о том, что с нее каждый час звучит знаменитый краковский хейнал – сигнал трубача. Даже на глаз можно заметить, что количество общей информации не больше того, что различает оба текста. Именно это и есть проявление фокусировки текста на определенных моментах образа действительности. Текст обычно не в состоянии отразить изображаемое полностью. Автор текста (9) фокусирует внимание на самой постройке, на ее архитектуре, а поэтому сообщает о том, как выглядит башня в плане, что отдельные этажи разделяются каменными карнизами, где башня принимает восьмиугольную форму и сколько этажей имеют окна. При этом ничего не говорится о венце на куполе, который представляет собой довольно необычную архитектурную деталь. Напротив, текст (10) уводит читателя в сторону незримого – в историю башни, главным образом к истории хейнала. И вполне логично, что здесь отсутствует информация о том, с какой высоты раздается сигнал трубача, это существенно для системы (149)

текста (9). Автор сообщает некоторые существенные факты из истории хейнала, которые важны для того, чтобы читатель или турист поняли, какую глубокую традицию имеет то, что им предстоит услышать.

Очевидно, что оба автора видят своими читателями довольно широкую аудиторию. Оба текста стараются избегать узкоспециальной терминологии, используют лексику научно-популярного стиля. Текст (10) в большей степени использует внутренние толкования понятий. Так, первый текст подразумевает, что читатель однозначно знает, что такое хейнал (впрочем, польский читатель действительно хорошо знаком с краковским хейналом, даже если не был ни разу в Кракове, поскольку ежедневно вот уже много десятков лет он транслируется в 12 дня по первой программе Польского радио), а другой, давая сведения из истории, сообщает то, что могло быть неизвестно. Текст (9) сообщает, что башня звалась сторожевой, но более подробные сведения об этом содержит текст (10).

Наконец, скажем, что автор текста (9) в большей степени старается скрыть себя за строгостью околонаучного стиля. Соответственно читатель должен быть направлен прежде всего на вычитывание важной информации. Автор текста (10) позиционирует себя более свободно, что проявляется в использовании таких выражений, как «день и ночь здесь нес службу стражник», «стала чуть ли не музыкальным символом Кракова». Это совершенно очевидное стремление завоевать симпатию читателя раскрывает в авторе лицо, желающее не только сообщить нечто, но и передать свою любовь к городу, который безусловно автором в деталях изучен и нежно любим.

Изображение события обычно будет требовать большего объема. Принцип анализа синсобытийных текстов не будет существенно отличаться от анализа синситуативных текстов.

Тексты или относительно замкнутые фрагменты разных текстов, в которых проявляется синтекстуальность, будем называть синтекстами. Явление синтекстуальности в большей степени свойственно нехудожественным текстам. Заметим, что выделение в них относительно замкнутых фрагментов легче, чем в художественных. Как отмечает И.Р. Гальперин, «членение любого текста, будь он художественный, деловой, газетный или научный, имеет двоякую основу: отдельно представить читателю отрезки для того, чтобы облегчить восприятие сообщения, и для того, чтобы автор для себя уяснил характер временной, пространственной, образной, логической и другой связи отрезка сообщения» [1: 57]. При этом большая прагматическая ориентированность нехудожественных текстов может приводить к тому, что для читателя существенно именно (150)

фрагментарное чтение, чтение по собственному сценарию, что крайне характерно, например, для путеводителей, чтение особого раздела, что типично для научного работника, который зачастую читает из большой работы необходимый отрывок. И такое положение вещей провоцирует подход к фрагменту текста, как к тексту, а также позволяет использовать слово «текст» в предложенном нами термине «синтекст», не оговаривая, приложимо оно к целому тексту или к его фрагменту.

В конце отметим, что рассмотрение синтекстуальности прежде всего уместно в информационно-динамическом подходе к тексту, при котором исследователю следует «прежде всего концентрировать внимание на характере передаваемой информации, принципах ее подачи и характере контакта с читателем» [2: 356]. Анализ явления синтекстуальности позволит вскрыть основания для сравнения, а главное – даст возможность понять, как автор подходит к выбору и представлению информации в нехудожественном тексте.

Литература.

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007.
2. Глазков А.В. Информационно-динамический подход в лингвистическом анализе текста // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей. М.: МГПИ, 2010. Т.1. С.351–356.
3. Rożek M. Przewodnik po zabytkach Krakowa. – Kraków, 2006.
4. Bazylika Mariacka w Krakowie. Historia. – <http://mariacki.com/historia.php> (151)

Выходные данные: А.В. Глазков. Синтекст, синтекстуальность: к определению понятий. – Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сборник научных статей. – Выпуск 10. – Том 2. – С.146–151.